
“КРУГЛЫЙ СТОЛ”
ЖУРНАЛА “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”

“КРУГЛЫЙ СТОЛ”: «ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ “ФИЛОСОФИЯ ПРАВА”
(Курс лекций. Учебн. пос. в 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ПРОСПЕКТ, 2011. 552 с.; 512 с.)»

***Краткая аннотация:** “круглый стол” посвящен обсуждению книги “Философия права” (Курс лекций. Учебн. пос. в 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко), подготовленной коллективом авторов.*

***Annotation:** “Round Table” is dedicated to the consideration of the book “Philosophy of law” (Course of lectures. Text-book. In 2nd t. / Ed. by M.N. Marchenko), prepared by joint authors.*

***Ключевые слова:** философия права, теория государства и права, магистерская программа, методология теоретико-правовой науки, предмет философии права, русская философия права.*

***Key words:** philosophy of law, the theory of state and law, magisterial program, the methodology of theoretical-lawful science, the object of the philosophy of law, the Russian philosophy of law.*

23 мая 2011 г. в редакции журнала “Государство и право” состоялось обсуждение учебного пособия по философии права, подготовленного коллективом авторов под руководством проф. М.Н. Марченко.

Заседание “круглого стола” вел **главный редактор журнала “Государство и право”, доктор юрид. наук, проф. А.С. Автономов.**

М.Н. Марченко (зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ)

Уважаемые коллеги!

Представляя курс лекций по философии права на Ваше суждение, я хотел бы от имени авторского коллектива прежде всего поблагодарить редакцию журнала “Государство и право” за то внимание, которое было оказано данному изданию и её авторам.

Подготовка к написанию и изданию обсуждаемого курса на кафедре теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова была задумана давно, но по разным причинам, связанным в основном с возросшей за последние годы педагогической нагрузкой (открытие спецотделения, работа в международном центре в Женеве), постоянно отодвигалась на более поздний период.

В настоящее время настоятельная необходимость в издании курса лекций по философии права возникла (помимо академической потребности) ещё и потому, что изучение многих весьма важных вопросов, относящихся к философии права, предусмотрено новым Госстандартом и

стало обязательным в процессе обучения магистров права.

При подготовке данного учебного пособия коллективом авторов, состоящем из юристов и философов – преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова и некоторых других вузов, помимо изучения и анализа соответствующего материала проводились тематические заседания “круглых столов”, обсуждения отдельных лекций искомого издания, использовался положительный опыт подготовки аналогичных изданий другими авторами.

Вынося данный курс на обсуждение ученых-теоретиков права и философов, авторы этого издания с благодарностью воспримут любые высказанные заключения или предложения, способствующие его развитию и совершенствованию, направленные на объективное выявление в нем как “плюсов”, так и “минусов”.

Главное при этом (как и при любом ином обсуждении) заключается не только и даже не столько в характере высказанных заключений и предложений, сколько в их востребованности и обоснованности.

В конечном счете это будет содействовать, как представляется, дальнейшему развитию и совершенствованию не только научной и учебной дисциплины “Философия права”, но и всей юридической науки в целом.

Л.С. Мамут (главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ). “Оценивая сделанное”

Свое участие в обсуждении недавно вышедшего двухтомного курса лекций (учебного пособия) “Философия права” начну с констатации ряда,

несомненно, позитивных моментов, отличающих данное издание. Во-первых, явно чувствующееся стремление использовать там, где подобное целесообразно, философский метод осмысления права (в понимании большинства авторов – закона). В этой связи следует отметить, в частности, лекции 3, 12, 14, 29, 30, 33 и др. Во-вторых, отчетливо выраженное намерение актуализировать и осовременить рассматриваемый материал. Примером тому служат лекции 8, 14, 15, 23, 29 и т.д. В-третьих, широкая опора (правда, не во всех освещаемых сюжетах) на философскую и специальную юридическую литературу (отечественную и зарубежную) (лекции 2, 11, 18, 26).

Вполне возможно выделить еще некоторые положительные стороны данного двухтомника. Но не столько в порядке раздачи дополнительных комплиментов авторам (авторов – около 25 человек!), сколько ради закрепления тех вех, которые размечают движение вперед, обогащения сегодняшнего российского философско-правового знания.

Не менее важно сосредоточить внимание авторского коллектива, всех заинтересованных лиц на проблемах, которые не получили (разумеется, по самым разным причинам) должного отражения либо вообще не нашли места в обсуждаемом учебном курсе.

К числу таких поистине принципиальных проблем, без надлежащего решения которых весьма затруднительно обеспечить эффективность вузовской работы, принадлежит соотношение науки и учебной дисциплины. Именно краткому анализу соотношения *разноточных* феноменов – науки и курсов лекций, учебников, учебных пособий (естественно, в контексте ведущейся дискуссии) – в основном будет посвящено мое выступление.

Нельзя сказать, что авторы в упор не видят обозначенную проблему. Она не нова и фигурирует во всех учебниках для юридических факультетов. Ею маркируется весь разд. I “Философия права как отрасль знаний и учебная дисциплина”, §1 лекции 33 “Проблемы идентификации сравнительного правоведения как науки и учебной дисциплины”. Заметим, в воспроизведенных заголовках, с одной стороны, отождествляются “отрасль знаний” и “наука”, с другой – вполне допускается, что “отрасль знаний” может быть (и является на деле) “учебной дисциплиной”. Получается по меньшей мере путаница.

Эта путаница возрастает, усиливается в результате того, что лица, преподающие студентам

(слушателям) соответствующие учебные дисциплины, сплошь и рядом одновременно действуют как исследователи, познающие еще неизведанное в публичной власти и институтах государства, в праве и законе. Им обычно кажется, будто преподаваемое ими в студенческих аудиториях и есть, собственно, научное знание. Ситуация осложняется еще и тем, что научно-исследовательское познание и ознакомление обучающегося с предлагаемыми ему в вузе материалами внешне схожи между собой. Они похожи друг на друга хотя бы новизной открывающегося, постигаемого. Зате-ненным остается многое, разделяющее их.

В первом случае (*научно-исследовательское познание*) любознательность направляется главным образом на обнаружение пока что неизвестных миру аспектов (черт, характеристик) познаваемого объекта. Реализуется подобного толка любознательность лишь посредством ей одной присущих форм и процедур; ее закономерный итог – приращение знания об интересующем объекте (праве, законе, государстве и т.д.). Во втором случае (*обучение*) любознательность, когда она проявляется, имеет иную направленность. Эта любознательность устремлена на освоение добытого усилиями науки и должным способом препарированного специалистами знания, на овладение уже заранее подготовленными текстами. Итог *обучения*, проводимого, естественно, не теоретико-познавательными, а дидактическими средствами и методами, – восприятие (с той или иной степенью полноты) текстов, которые предназначены для первоначального знакомства с информацией об изучаемых объектах.

Необходимое размежевание между наукой и учебной дисциплиной в нашем диспуте практически идет. Но происходит ли оно в обсуждаемом сейчас курсе? Увы, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Действительно, §1 лекции 2 “Философия права в системе научных и учебных дисциплин” трактует о взаимосвязи и взаимодействии философии права и общей теории права. Однако непонятно, в каком конкретно статусе обе эти “дисциплины” (терминология курса) рассматриваются. §2 упомянутой лекции вовсе посвящен выяснению места, которое занимает “философия права в системе юридических и неюридических наук”. Аналогичное положение наблюдается в §1 лекции 33. Об идентификации сравнительного правоведения в качестве науки там речь ведется (с большим или меньшим успехом). Об идентификации сравнительного правоведения как учебной дисциплины, по существу, – ни слова (вопреки обещанному в названии параграфа).

Проводя четкие грани между такими разнотелыми явлениями, как наука (научно-исследовательская деятельность) и учебная дисциплина (вузовская образовательная деятельность), следует, конечно, ни на мгновение не забывать и строжайшим образом учитывать их тесную связь, их взаимовлияние. Если надлежащим образом построенная учебная дисциплина невозможна без твердой опоры на соответствующую науку, то наука, в свою очередь, мало чего стоит, коль скоро не транслирует добытое ею знание обучающимся в доступных им формах; коль скоро она на доступном языке постоянно не информирует общество о своих успехах, трудностях и т.д. Особенно остро важность развития, упрочения всесторонних связей науки (познавательно-исследовательской деятельности) и образования (т.е. деятельностью обучающе-дидактической) подчеркивается насущной потребностью нахождения адекватных ответов на становящиеся все более напряженными запросы XXI в.

Можно отметить еще немало пунктов (кроме бегло перечисленных выше), по которым наука и обучение отличаются друг от друга. Но существует также ряд пересечений, где они встречаются, бытуя и функционируя вместе. К сожалению, ограниченный объем регламента не позволяет на них всех остановиться. Несомненно одно. Нельзя никому и ни под каким предлогом создавать у подавляющего большинства студентов (слушателей) превратного, ложного представления о том, чем они по преимуществу занимаются (должны, обязаны заниматься) в профессиональных образовательных учреждениях – осваивают комплекс учебных дисциплин. Учеба, просвещение, получение образования – не только их главное дело, но и тех, которые такое обучение обеспечивают, – преподавателей.

По существу, мною поднят лишь вопрос о соотношении науки и учебной дисциплины. Он назван в двухтомном курсе лекций “Философия права”, но его хоть сколько-нибудь удовлетворительное освещение так и осталось “за кадром”. Есть еще масса принципиально значимых и животрепещущих проблем, которые заслуживают отдельного серьезного разговора. Попробую назвать только некоторые из них.

Во-первых, содержание “Философии права”. Входят в это содержание, скажем, эпистемология, прагматология? Ведь их в двухтомнике (как самостоятельных компонентов “Философии права”) нет. Во-вторых, специально не показано, на каких идеологических предпосылках зиждется обсуждаемый курс лекций. Ясность здесь тоже отсут-

ствует, а весьма дискуссионные места имеются. В-третьих, в “Философии права” по воле авторского коллектива оказались сюжеты, связанные с государством. Почему, по каким соображениям произведено это вовлечение? В-четвертых, бросается в глаза неодинаковость стилей изложения рассматриваемых тем. Одни лекции (темы) даются с приведением десятков цитируемых источников, другие (очевидно для контраста?) фактически обходятся без каких-либо цитат. Вредный разнотелый. В-пятых, в тексте двухтомника (супергигантского) заметны повторы, явно не способствующие успешному усвоению помещенного в “Философии права” материала. В-шестых, поистине центральная для педагогов, преподавателей проблема – язык, лексика преподносимого учащемуся знания. Двухтомная “Философия права” открывает широкое поле как для позитивных, так и негативных оценок содеянного авторами.

М.Н. Марченко

Леонид Соломонович, Вы полагаете, что государство не может быть предметом философии права. Однако, например, в отечественных дореволюционных работах государство всегда рассматривалось в качестве предмета философии права. Давала себя знать традиция, заданная Гегелем, который оказал заметное влияние на русскую философию права. Как можно разорвать государство и право, если в жизни, а не в умозрительных схемах эти два явления взаимосвязаны?

Л.С. Мамут

Во-первых, следует различать право (*ius*) и закон (*lex*). Почему мы законодательство называем правом? Право (*ius*) – явление, с государством напрямую не связанное, а вот закон (*lex*) действительно есть результат деятельности государства. Есть специальная наука и учебная дисциплина – законоведение, легалистика, которая и изучает законы. Во-вторых, при изложении курса по философии права государство можно давать, но латентно и в той мере, в какой необходимо раскрыть смысл права.

А.С. Автономов

Если обращаться к истокам, то в римском праве понятия *ius* и *lex* не различались.

В.Н. Жуков

Леонид Соломонович, у меня два вопроса. Первый. Если государство не является предметом философии права, то тогда какая из философских

дисциплин будет рассматривать государство в философском аспекте? Как назвать дисциплину, которая изучает философские аспекты государства? Второй. Правильно ли я Вас понял, что подготовленный курс лекций есть по большей части научная, а не учебная работа?

Л.С. Мамут

Ответ на первый вопрос: дисциплину можно назвать философией государства. Ответ на второй вопрос: да, это больше научное исследование. Для студентов данный текст необходимо адаптировать.

В.Г. Графский (главный научный сотрудник Института государства и права РАН, зав. сектором истории государства, права и политических учений, доктор юрид. наук, проф.)

Выход двухтомного курса лекций “Философия права” является примечательным событием по двум причинам. Во-первых, курс лекций поддерживает ориентацию на философское постижение традиционных тем и проблем теоретического правоведения, а во-вторых, будучи подготовленным и изданным коллективом преподавателей ведущего вуза страны, он становится весомым аргументом в происходящих до сих пор дискуссиях о том, быть или не быть философии права обязательной дисциплиной в изучении и преподавании правоведения, поскольку сомнения в ее легитимности в качестве обособленной от теории права дисциплины можно услышать не только в вузовской или академической аудитории, но и в исходных позициях некоторых научно-бюрократических учреждений, которые претендуют на руководящую и направляющую роль в деле подготовки профессионалов высшей квалификации. Таковым является ВАК, которая до сих пор не утвердилась в позиции, считать философию права правоведческой дисциплиной или не считать. Сегодняшняя ВАКовская премудрость в этой области сводится к признанию зачетного статуса лишь для теории и истории права и государства, а также истории учений о праве и государстве. Эта премудрость не замечает своеобразной экзотичности перечисленного набора знаний (речь идет об официальном министерском благословлении на постижение знаний по преимуществу о праве вместе с представлениями и знаниями о государстве, но без указания на необходимость постижения их во взаимосвязи с политическими, культурологическими и иными родственными научными дисциплинами и познаниями, включая,

например, юридическую антропологию или сравнительное правоведение, приняв во внимание, что последнее вбирает в себя обобщение духовного и практического политического опыта самых разных народов Запада и Востока).

Один из фундаментально обсужденных вопросов в данном курсе лекций – вопрос о предмете философии права в его сравнении с предметом теории права. Это весьма существенно для ориентации в современном отечественном и зарубежном правоведении, поскольку существует мнение о тождественности этих двух дисциплин либо их междисциплинарном единстве, либо о принадлежности ее преимущественно к философии, а не к юриспруденции и т.д. Авторы в конце концов вслед за В.С. Нерсесянцем склоняются к выводу о том, что философию права следует воспринимать как междисциплинарную дисциплину, в которой философское и правоведческое пребывают в некой комплексности и получают свое признание в рамках как философии, так и юриспруденции как науке о праве и правоведении.

Более сложным оказался вопрос о понимании предметной области философии права и тесно связанный с ним вопрос о назначении философии права. Автор этого раздела (проф. М.Н. Марченко) справедливо признает, что вопрос о предмете философии права как сформировавшейся, относительно самостоятельной области знаний, равно как и для любой иной учебной и научной дисциплины, является одним из важных ключевых вопросов, непосредственно связанных с ее идентификацией. Далее он замечает (вслед за Д.А. Керимовым), что определить предмет дисциплины на практике означает выявить круг тех явлений, институтов и учреждений, а нередко – их отдельных сторон, целей, уровней, а также закономерностей их возникновения, становления, развития, изучением которых она занимается. Однако на практике представление о предмете философии права во многом предопределяется представлением об объекте, а точнее – о понятии права в философии права. К этому же склоняется и сам автор, когда утверждает: чтобы провести разграничение между предметом и объектом философии права, необходимо сначала определиться, какой смысл вкладывается в понятие предмета философии права, а также в понятие и содержание его объекта (т. 1, с. 21).

Ретроспективный взгляд на развитие философско-правовой мысли современные исследователи “не без оснований” выделяют в рамках тех или иных концептуальных установок различные “разновидности” философии права и соответствующую

щие вариации их предметов (перечисляются, в частности, философия естественного права, философия позитивного права и аттестуемая без всяких пояснений философия гуманистического права в пределах нормативистской концептуальной установки; затем перечислены философия рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического права в рамках формационной, или диалектико-материалистической концептуальной, установки, “исходящей из обусловленности права экономическим развитием и последовательности перехода общества от одной общественно-экономической формации к другой”; с позиций “цивилизационно-аксиологической концептуальной установки”, рассматривающей историю философии права сквозь призму смены ценностей в рамках той или иной цивилизации, возможно выделить такие “разновидности”, как философия иррационального права, философия идеалистического права и философия чувственного права. Существует еще “этатический” подход к философии права. Эти и другие экзотические наименования перечисляются на с. 24 с отсылкой на работу Г.И. Иконниковой и В.П. Ляшенко¹).

Известное определение философии права, данное В.С. Нерсисянцем, отнесено к разновидности обоснования права с позиций “сути” человеческого бытия (мировоззренческой составляющей бытия): “Философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его основания и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества”². Это определение убедительнее многих других склоняет к мысли о том, что без философского обоснования функционирования права не обойтись. Все равно придется неосознанно или полусознанно довольствоваться некоей подручной, доморощенной либо взятой на прокат, заемной из смежных наук философией, обрекая себя на недосказанности, неопределенности и неточности, а может быть, на сомнительные и невежественные уверения, на иллюзии и заблуждения.

Обычно все ответы на вопрос о предмете философии права выглядят обрывочно и фрагментарно, хотя сами по себе эти вопросы ставятся и обсуждаются на протяжении многих веков и многих поколений юристов: что есть право по своей природе и назначению? Какое отношение к праву

у людей и социальных групп? Что можно обеспечить и что можно потерять с помощью правовых правил (требований)?

Со временем под влиянием усложнения социальных функций права обособились два основных направления в деле использования права как социального регулятора человеческого поведения и человеческой жизни в целом. Одно – технико-прагматическое, другое – нравственно и политически возвышенное и обычно с трудом достигаемое. Первое связано с техникой владения и распоряжения правами и обязанностями в узком смысле, второе же – с обеспечением справедливости. Эти две ориентации были известны еще в Древнем Риме. Цицерон говорил, что в обучении праву можно следовать двум целям и, соответственно, двум школьным традициям: учить пользоваться правом либо учить справедливости.

Многие концепции выглядят на первый взгляд схематичными и односторонними, однако при ближайшем рассмотрении они являются в данном случае верхушкой айсберга, скрывая свою основную, в том числе и фундаментальную компоненту, не сразу и не вполне различимую или относимую к разряду очевидных или подразумеваемых. Понятно, что каждая фундаментальная теория или философия права так или иначе исходит из предположения о наличии в обществе и государстве некоей традиции разрешения конфликтов правового характера на основе законов и обычаев и при помощи институтов разбирательства и приведения выносимых решений к неуклонному исполнению.

При чтении курса лекций возникли некоторые соображения по поводу некоторых общеупотребительных терминов и конструкций. Возьмем, например, выражения “правовой идеализм” и “правовой нигилизм”. Все обстоит более или менее сносно с употреблением термина “правовой идеализм”, который проф. Н.И. Матузов связал с мечтательностью, непрактичностью и безответственностью не только законодателей и политиков, но и сограждан. Труднее воспринимать смысл конструкции “правовой нигилизм”, который, по всей видимости, надобно именовать антиправовым нигилизмом, который в этом случае довольно легко отождествляется с бестолковостью и частым изменением некоторых узаконений, связан с отрицанием разумности и справедливости правил и требований существующих законов и общей высокой роли правового начала в социальном общении в прошлом и настоящем.

¹ См.: Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. Учеб. М., 2007.

² Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 7.

В.Н. Расторгуев (профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филос. наук). “В чем права философия права?”

Начну с того, что книгу интересно читать и профессионалам, и, думаю, тем, кто только входит в мир философии и права, открывая для себя, насколько различны эти сферы знания и культурной деятельности. Отношения между ними можно выразить пушкинскими словами: “Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень”. Если правовое сознание и юриспруденция базируются на императивном и догматическом знании, то для философии, делающей предметом сомнения и критики предельные основания знаний, самым обидным служит обвинение в предзаданности (императивности мышления) и догматизме.

Интерес к философии права лишь подчеркивает тот бесспорный факт, что философия как особая наука, оберегающая своеобразие своего метода, преемственность и уважение к основателям великих учений, во все времена – права. И через тысячелетия после своего рождения она остается востребованной дисциплиной. Это верно и по отношению к тем, кто осваивает культурное и духовное наследие мира (частью которого является и философия, и само право), и по отношению к тем, кто обращается к философской теории, достигнув профессиональных вершин в своей области специализированного знания, в том числе юридического. Философия права уже в том, что сделала право – едва ли не самую догматическую и потому закрытую для непосвященных сферу человеческого духа – своим предметом, содержанием философского знания.

Философия права вдвойне права, если учесть, что никакого другого инструмента, кроме философии, способного поставить вопрос хотя бы о разграничении права и неправа, просто не существует. А такое разделение жизненно необходимо и обществу в целом, и законодателю, в частности, и каждому из нас, так как под маской писаного права, как подметил Гегель, зачастую скрывается неправое – механизм, разрушающий и государственные устои, и саму суть правосознания и правоприменения. Причина проста: законы пишут люди и, как правило, чрезвычайно заинтересованные в том, чтобы превратить само право в инструмент несправедливой власти.

Философия права, когда усиливает свое влияние в современном мире, объединяясь с другими дисциплинами, которые нуждаются в “методоло-

гическом самоконтроле”. Действительно, именно философская методология защищает науку, приближенную к политике, в том числе и правоведение, и политологию, от превращения в инструмент политического манипулирования и средство мнимонаучной легитимации скрытых групповых интересов, заведомо далеких от научной объективности. В учебном пособии авторы затрагивают эту тему, когда анализируют связь права и идеологии, не проводя, правда, различий между правовой и политической идеологией.

Теперь несколько тезисов о самом учебном пособии. Первое, на что следует обратить внимание: перед нами действительно университетское издание, основанное на презумпции уважения к студенчеству. Здесь нет того примитивизма, который культивируется в изданиях сугубо адаптационного типа, где предлагается набор схем, предназначенных для механического запоминания и воспроизведения. Как говорил один французский мыслитель о справочно-обучающей литературе такого рода, словари и хрестоматии – диверсия против нации, так как прочитавшие их полагают, что овладели науками только на том основании, что заучили набор схем. В настоящих университетах нет и не должно быть непреодолимой пропасти между научным поиском и лекционными курсами, а следовательно, и между научной и вузовской дисциплинами. Напротив, студенческая аудитория наиболее восприимчива к авторским курсам в том случае, когда автор – ученый, имеющий свою позицию и внесший в науку свою лепту. Курс лекций по философии права – издание именно такого плана, у которого есть, конечно, недостатки, связанные с тем, что это коллективный труд, но и главное достоинство которого – команда авторов, состоящая из ученых, знающих свой предмет.

Второе достоинство работы заключено в том, что в ее основе лежит продуктивная исследовательская программа, объединившая специалистов разного профиля и позволившая добиться достойного результата. Именно по этой причине коллективная работа представляет собой более-менее целостный текст как в методологическом и структурном плане, так и с точки зрения общей стилистики, а также в концептуальном отношении. Это обстоятельство важно отметить, поскольку с изданием книги программа не должна завершиться. Интерес представляет даже не результат – вполне успешный, но промежуточный, а её потенциал, о котором следует поговорить особо. Убежден, что начатая программа должна быть продолжена и су-

щественно расширена с учетом того тематического горизонта, который пока остался “за кадром”.

В настоящее время исследовательская программа, как можно судить по указанной работе, основана на двух методологических установках. Первая – строго академическое построение и изложение курса в рамках сопоставительного анализа устоявшихся, в том числе и конкурирующих теорий. Вторая – стремление полностью исключить любые проявления политизации предмета, что вызвано отчасти спецификой мышления юристов и правоведов, а также философов, погруженных в правоведческую проблематику и считающих, что право и Фемида не должны зависеть от политической конъюнктуры. Но есть, видимо, и другая причина “деполитизации” курса – вполне обоснованное опасение, что политическая актуальность слишком злободневна и может повредить не столько качеству исследований (что тоже возможно), сколько процессу институционализации философии права как научной и вузовской дисциплины.

Современная криминализируемая Россия еще принадлежит к тому миру, в котором, по словам Гегеля, “неправо еще есть право”. В нашей действительности на самом деле чрезвычайно трудно найти конструктивные тенденции в становлении правовой культуры, но легко обнаружить самые дикие проявления правового нигилизма, в том числе “конституционного нигилизма”, поразившего вертикаль власти. По этой причине отвлеченная философия права, обращающая свой взгляд к идеальным формам и историческим предпосылкам, имеет большие шансы на институционализацию.

Положительной стороной “бегства от политики” служит тот факт, что работу отличает погруженность авторов в историю правовой и философской мысли (правовая ориентация, увы, доминирует), свободное перемещение в лабиринте концепций и школ, способность популярно объяснить различия в установках и концептуальных схемах. Авторы не только демонстрируют многообразие версий и трактовок, но и предлагают там, где это необходимо, вполне самостоятельный подход к проблемам. Это, впрочем, специально оговаривается, чтобы оставить читателю возможность критического восприятия текста.

Негативной стороной принудительной “деполитизации” является резкое сужение тематического спектра. Думается, что “лекарством” от такого обеднения курса может быть объединение программ философии политики и философии права в единый курс, а в перспективе – и в еди-

ную исследовательскую программу. Это не требует обязательного изменения традиционного названия предмета – философия права, но предполагает обсуждение наиболее важных для общества проблем политико-правового характера. Этой цели поможет уже стартовавшее сотрудничество авторов учебного пособия с кафедрой философии политики и права (зав. кафедрой – проф. Е.Н. Моцелков), которая сравнительно недавно организована на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова после слияния кафедры теоретической политологии, основанной А.С. Панариным, и кафедры истории политических учений. В настоящее время издается и регулярный научный сборник, посвященный данной тематике.

Было бы полезно также интегрировать программу с исследовательскими программами Московско-Петербургского философского клуба, которые осуществляются совместно с Институтом философии РАН и Конституционным Судом РФ. Несомненный интерес для дальнейшей работы представляют изданные материалы совместного заседания клуба и Конституционного Суда РФ 2009 г. (при участии Ассоциации юристов России). Тема этого заседания, кстати, напрямую связана с предметом учебного пособия: “Философия права в начале 21 столетия через призму конституционализма и конституционной экономики”.

По поводу качества учебного пособия, пожалуй, можно высказать только три небольших замечания, которые не носят принципиального характера (в отличие от замечания о целесообразности расширения и актуализации общей тематики). Но их можно учесть в дальнейшей работе.

Во-первых, трудно объяснить логику, в соответствии с которой разд. 4 “Правосознание, правовая культура и правовая идеология” оказался разбит на две части. В т. 1 изложена лекция о правовой культуре России, а в т. 2 – лекции по европейской, мусульманской, индийской и еврейской правовым культурам. По сути, этот раздел должен быть объединен на основе цивилизационной теории. С одной стороны, речь здесь идет именно о конфессионально-цивилизационных различиях, т.е. о специфике локальных цивилизаций, предопределяющей особенности названных типов правовой культуры. А с другой стороны, можно было бы задуматься и об общецивилизационных трендах, которые наиболее полно проявляются и преломляются не только в развитии локальных цивилизаций, но и в становлении правовых институтов, в том числе в развитии феномена международного права. Однако именно этого обобщения явно не

хватает, что затрудняет и несколько обесцвечивает сравнительный анализ.

Во-вторых, в стилистическом плане несколько выпадает раздел об особенностях правовой культуры Индии, поскольку в отличие от всех других разделов он не структурирован по общей модели, для которой характерна сквозная и тщательная детализация подразделов, облегчающая усвоение материала.

В-третьих, можно указать на некоторые тематические пробелы, которые связаны с установкой на “деполитизацию” курса. Эти замечания можно было бы считать только пожеланиями, если бы речь шла о монографии. Однако, учитывая, что речь идет об учебном пособии, такие пробелы, о которых хотелось бы сказать, действительно снижают качество столь масштабного труда. О каких “пустотах” и “нишах” идет речь? Укажу только одну “пустующую нишу”: авторы, говоря о становлении философии права, почти не затрагивают важнейшего вопроса об институционализации этой дисциплины в системе наук и в системе образования. Но именно эта тема чрезвычайно интересна как в историческом плане, так и для понимания того, что происходит в системе образования сегодня.

Да и в целом институциональный подход к праву, который раскрывается только благодаря философскому анализу, если и присутствует, то отодвинут в учебном пособии на последнее место. Вместе с тем и становление правовых институтов, и отношение к ним со стороны общества, и сама институционализация философии права как научной и вузовской дисциплины (а это нас интересует в первую очередь) напрямую зависят от целей, мотивации и технологий, а также от политического контекста. Сама потребность в институционализации этой дисциплины не полностью, но во многом зависит от тех, кто принимает решения в сфере научной политики. Если мы строим правовое социальное государство, то одно из требований – опережающее развитие правовой системы, что в принципе невозможно без развития и популяризации философии права и как научного направления, и как вузовского предмета.

В заключение хотелось бы высказать одно пожелание для переиздания книги. Жанр учебного пособия предполагает дополнение текста лекций соответствующими разделами и приложениями, предназначенными для организации самостоятельной работы студентов и самоконтроля. Это, конечно, не обязательное требование, но дополнительный инструмент повышения отдачи при изучении курса.

В.Н. Жуков

Валерий Николаевич, как Вы считаете, является ли государство предметом философии права?

В.Н. Расторгуев

Полагать, что существует право, не связанное с государством, – значит, находиться в плену иллюзий. Право – один из инструментов государства, с помощью которого правящий класс защищает свои интересы. Право современной России – показательный тому пример. Поэтому государство, конечно, является предметом философии права.

В.М. Сырых (зав. отделом теории и истории права и судебной власти Российской академии правосудия, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ)

Двухтомный курс лекций “Философия права” – примечательное явление в современной российской юридической литературе. В нем впервые в истории российского правоведения предпринята попытка исследовать актуальные политико-правовые проблемы современности на всеобщем теоретическом уровне, найти ответ на ряд проблем общей теории права, решенных пока что проблематично либо вовсе не привлекающих внимания современных исследователей.

По моему мнению, курс обладает, как минимум, рядом несомненных достоинств.

Во-первых, он выгодно отличается от других аналогичных изданий широтой тематики. В пяти его разделах исследуются методологические вопросы связи философии и правовой науки, предпринимается попытка дать развернутую характеристику праву и государству как социальным ценностям, рассматривается соотношение правосознания, правовой культуры и правовой идеологии. Значительное внимание уделяется философским аспектам соотношения государства, права и общества.

Во-вторых, курс уделяет первостепенное внимание обоснованию философии права как отрасли знаний и учебной дисциплины, приводит дополнительные аргументы в пользу излагаемой позиции. В частности, обращается внимание на то, что связующим звеном философии права и общей теории права является проблема соотношения сущего и должного в праве (т. 1, с. 60), а также признание норм права составной частью оценочного мышления, посредством которого человек самоопределяется в обществе (с. 69).

В-третьих, курс восполняет известный пробел правовой науки и содержит развернутую характе-

ристику содержания и особенностей европейской, мусульманской, индусской и еврейской правовых культур, которая имеет актуальное значение в современных условиях в связи с наблюдаемыми ныне процессами унификации и глобализации экономики, культуры, образования и других сфер современного общества.

В-четвертых, в курсе вполне удачно и интересно изложены философские проблемы правоприменения, юридической ответственности, сравнительного правоведения, которым в других курсах философии права не уделялось должного внимания.

В то же время курс (как и всякая творческая научная работа) содержит ряд положений, нуждающихся в дальнейшем осмыслении и аргументировании. Не имея возможности в кратком выступлении дать сколько-нибудь полный анализ дискуссионных положений указанной работы, остановлюсь на трех, как представляется, принципиальных методологических положениях, имеющих значение не только для данного курса, но и для дальнейших исследований, проводимых на стыке философии и права.

Обосновывая право на самостоятельное существование философии права как отрасли науки и учебного курса, проф. М.Н. Марченко признает, что некоторые ученые скептически оценивают возможности существования данной науки. Им названы два теоретика: М.Н. Коркунов и В.М. Сырых. Однако в действительности число авторов, скептически относящихся к философии права, значительно больше. Но самое главное – не назван основной противник идеи философии права – Ф. Энгельс, который свою позицию аргументировал следующим образом. Философии истории, права, религии, отмечал он, порождались в условиях недостаточности позитивных теоретических знаний, когда идеолог действительную связь явлений, событий подменял вымышленной связью. Там же, где наука преодолевает свой младенческий возраст и переходит к изучению реальных связей и зависимостей философии в ее прежнем понимании, приходит конец. Предмет позитивной науки составляют все без какого-либо исключения закономерности функционирования и развития соответствующей сферы бытия³.

Эти положения Ф. Энгельса не утратили своей актуальности и по сей день. Общая теория права, ориентированная на изучение действительных закономерностей права, а не априорно выводимых философами или юристами связей, должна быть

единой и единственной наукой о наиболее общих закономерностях функционирования и развития права. В философском, равно как и в эмпирическом, обосновании нуждаются как все проблемы, связанные с пониманием и объяснением смысла, сути права, так и специальные правовые вопросы, достаточно отдаленные от фундаментальных проблем правоведения. Даже суть и структуру нормы права не раскроешь должным образом без использования таких философских категорий, как “сущность”, “содержание”, “форма”, “связь”, “признак”, “качество” и др. Поэтому критерий применимости философских категорий и законов в познании права, его закономерностей не может служить аргументом для обособления той или иной части проблем общей теории права в специальную юридическую дисциплину вроде философии права.

Будучи целостной, единой по своему предмету, общая теория права в процессе его познания использует весь арсенал современного научного знания: философию, социологию, экономическую теорию, политологию. Но все заимствуемые теоретиками права философские и специальные неюридические знания в содержание правовой науки не входят, они образуют ее основание. Поэтому говорить об образовании какой-либо новой юридической науки на том основании, что в процессе познания права были использованы данные неюридических наук, – значит, искусственно разрывать единый предмет общей теории права, отраслевых юридических наук на искусственные образования, которые скорее затрудняют процесс формирования науки, нежели способствуют ее развитию.

Данный курс никаких дополнительных аргументов в пользу самостоятельного существования философии права не внес. Скорее наоборот. Последовательная реализации авторами курса основной идеи представителей философии права о необходимости обособления проблем, связанных с изучением волевой природы права, целей права, познанием свободы как сути права, – конкретное и весьма убедительное свидетельство того, что все изложенные в курсе проблемы являются чисто теоретико-юридическими. Заголовок курса “Философия права” без какого-либо труда мог быть заменен чисто юридическим заголовком, например “Общие проблемы теории права и государства”.

Авторы курса скромно умолчали, идеями какой философской доктрины пользовались при освещении общих теоретических проблем правоведения. В условиях советского государства

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 305.

подобный вопрос не возникал, поскольку существовала презумпция, которая в действительности была фикцией, правоведы-философы внедряли в правовую науку марксистскую философию – диалектический материализм. Ныне другие времена, авторы курса официально не признались в желании развивать названную философию. Тогда, какая конкретно философия ими была использована? Вопрос носит отнюдь не частный характер, а представляет собой суть дела. Какую же конкретно философию ныне нам рекомендуют использовать ведущие теоретики России, и не является ли рекомендованная ими философия в лучшем случае философией вчерашнего или позавчерашнего дня? Не пытаемся ли мы под флагом борьбы с марксизмом, увести современную научную мысль на рубежи кантовско-гегелевской эпохи?

Курс насыщен ссылками на модных авторов: Бержея, Радбруха, Дворкина, Паунда, Ильина, Риккерта, Круза, Хабермаса и им подобных “властелинов” умов современных философов и правоведов. Каюсь, каких-либо оригинальных, действительно обогащающих юридическую науку положений в приведенных ссылках на работы этих титанов я не нашел. Создается впечатление, что эти ссылки приводятся скорее как дань моде, как желание авторов показать, что они стоят на уровне современных “мыслителей”, знают их положения и развивают их. А где анализ правовых идей К. Маркса и Ф. Энгельса? Если верить лекции 4, то в прошлом веке марксизм был настолько посредственным учением на фоне юридического позитивизма, социологических концепций права и теории естественного права, что и упоминать о нем в лекции специально не имело никакого смысла.

В целом курс заслуживает позитивной оценки своей непосредственной разработкой общих теоретических проблем правовой науки, поиском конкретных путей решения такой актуальной методологической проблемы, как творческое применение философских положений для дальнейшего применения и развития правовой науки.

В.Н. Жуков

Владимир Михайлович, если, как Вы полагаете, философия права изжила себя, то изжила ли себя философия? Какое значение имеет философия в деле изучения права?

В.М. Сырых

Повторюсь, что философия права возникла и была нужна, когда не было достаточных научных знаний о праве. После появления марксизма философия права постепенно утрачивает свое значе-

ние, так как К. Марксу и Ф. Энгельсу удалось сделать процесс познания права подлинно научным. Философия как отрасль знаний себя не изжила, поскольку имеет свой специфический предмет. Философские аспекты государства и права вполне могут рассматриваться в рамках общей теории государства и права – действительно научной дисциплины.

Т.Н. Радько (зав. кафедрой теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ)

Выход в свет курса лекций по философии права в настоящий момент крайне необходим. Переход подготовки юристов на новые стандарты, введение двухуровневой системы образования требуют от педагогов высшей школы новых подходов и новых решений.

Для выполнения такой задачи отв. редактору, проф. М.Н. Марченко удалось объединить широкий круг известных юристов и философов и рассмотреть важные вопросы современной философии права. Все это предусмотрено Госстандартом для подготовки магистров права.

Поскольку это один из первых трудов такого рода, то желательно работу над курсом лекций продолжить. В этой связи хотелось бы высказать суждение по некоторым лекциям.

Первое замечание общего характера заключается в том, что изданный курс лекций по философии права достаточно близок к курсу теории государства и права, а некоторые темы этих учебных дисциплин почти полностью совпадают (“Происхождение государства и права”, “Сущность государства”, “Правовое государство”, “Правосознание”, “Правовой нигилизм” и др.). Содержательно они несколько разнятся, но философские аспекты необходимо было бы отразить в названии тем лекций, иначе получается дублирование, чего не должно быть в разных учебных дисциплинах. Оправданием здесь может служить то, что среди магистров, обучающихся по специальности “Юриспруденция”, есть лица, не имеющие высшего юридического образования. Для них все, что имеется в курсе лекций, будет ново и полезно.

Еще одно суждение: все ли темы, включенные в курс лекций, имеют достаточное “философское происхождение и содержание”, т.е. философскую составляющую? Представляется, что нет. Об этом следует подумать при подготовке последующих изданий, поскольку в некоторых лекциях прева-

лирует теория государства и права, а в других – слишком заметно присутствие общефилософских проблем.

Что касается конкретных тем курса лекций. На мой взгляд, следовало бы дать более всестороннюю характеристику юридического позитивизма, поскольку позитивизм в праве представлен самыми различными научными теориями (от формально-догматических до социологических), нередко противоречащими и не соответствующими друг другу, а также самыми разнообразными понятиями и терминами, лишенными однозначности в пределах терминологии юридической науки. В настоящее время среди ученых нет единства взглядов на сущность и содержание позитивизма в праве, поскольку в основе позитивных научных теорий лежат различные философско-методологические концепции и принципы: не только положительная (позитивная) философия, но и кантианство, неокантианство, неогегельянство и другие идеалистические философские учения. Кроме того, некоторые авторы считают, что юридический позитивизм, который обычно подвергается нападкам в научной литературе, связан с философией позитивизма только общими социально-экономическими условиями, на почве которых они возникли и развивались. Логически эта точка зрения, как отмечает проф. В.Д. Зорькин, завершается противопоставлением юридического и философского позитивизма.

Такая точка зрения представляется верной, когда речь идет о юридическом позитивизме, провозглашающем “культ и ценностный абсолютизм” государства, которое устанавливает для “политически подчиненных” непререкаемые и обязательные к исполнению веления, приказы, законы (“властная субординация” Дж. Остина), что в итоге приводит к неограниченному государственному суверенитету и созданию тоталитарных режимов внутри страны. Противопоставление юридического позитивизма положительной философии правомерно и тогда, когда имеется в виду “нормативный идеализм”, воплощенный в “чистом учении о праве” Г. Кельзена, основанном на кантианской философии.

Разделяя мнение ученых, критикующих “позитивистскую юриспруденцию” с ее “формально-догматическим инструментарием”, “узостью эмпирических методов познания”, работающую “только с действующим правом”, отождествляющую право с системой законов и отказавшуюся “от широких обобщений социального и исторического материала”, в то же время нельзя согласиться с тем, что именно такая юриспруденция

основана на позитивной философии (О. Конта и Г. Спенсера).

Не исключено, что авторы некоторых “позитивистских” правовых концепций по-своему интерпретировали ряд идей философов-позитивистов, вырвав их из контекста целостного философского учения и “забыв” при этом о квинтэссенции – о социологии.

В философской и юридической литературе нередко отождествляются понятия “юридический”, “этактический”, “правовой позитивизм”, “позитивистская”, “позитивная”, “формально-догматическая”, “аналитическая юриспруденция” и даже “позитивная теория права” в целом. И это не удивительно, поскольку “правовые системы многих стран мира сформировались под воздействием догм и положений именно этактического позитивизма” (проф. Г.В. Мальцев), а в отечественной юридической науке проблема позитивизма в праве в течение десятилетий в силу известных причин не разрабатывалась должным образом.

Все это предопределяет недооценку позитивной теории как полноценного правового учения, основанного на положительной (позитивной) философии, и влечет некоторых ученых к созданию новой правовой парадигмы на основе синтеза правовых идей и теорий (“легистско-юснатуралистских” – от “мягкого позитивизма” до “некритического юснатурализма”), опирающихся на разные философские учения.

Нельзя упускать из виду тот факт, что для отечественной позитивной правовой теории и научной школы, сформировавшейся в России к началу 80-х годов XIX в., “характерна чрезвычайно тесная связь с философским позитивизмом”. Быть позитивистом для представителей этого научного направления в юриспруденции означало “быть последователем позитивной философии” (С.А. Пяткина).

Отечественная юриспруденция обладает таким уникальным научным наследием, как труды известных ученых, творивших в последние десятилетия XIX – начале XX вв., т.е. в период осмысления и внедрения идей философии позитивизма в право. В работах М.Н. Гернета, С.К. Гогеля, Д.А. Дриля, А.А. Жижиленко, М.Н. Капустина, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, Н.А. Неклюдова, Н.И. Палиенко, С.В. Пахмана, Л.И. Петражицкого, А.А. Пионтковского, С.В. Познышева, П.А. Сорокина, И.Я. Фойницкого, Г.Ф. Шершеневича и др. содержатся ценные, неординарные мысли по философ-

ским проблемам права, в том числе и по юридическому позитивизму.

А.И. Экимов (зав. кафедрой теории и истории государства и права Российского государственного торгово-экономического университета, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ). “К вопросу о предмете философии права”

Издание обсуждаемого учебного пособия по философии права – это событие не только для студентов и преподавателей юридических вузов, но и всех, кто интересуется философскими вопросами права. Традиции в создании учебных пособий по философии права сложились еще в дореволюционные годы (труды Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева и др.). В период безраздельного господства марксизма-ленинизма в нашей стране философия права не преподавалась в качестве самостоятельной научной дисциплины. Однако это не значит, что вопросы, составляющие ее содержание, вовсе не изучались. Одним из первых советских авторов, кто обратил на это внимание, был чл.-корр. АН СССР Д.А. Керимов, книга которого “Философские проблемы права”⁴ на долгое время стала предметом официальных и неофициальных дискуссий. В значительной мере под влиянием этой работы советские авторы (проф. Л.С. Явич и др.) предложили включить философию права в рамки общей теории государства и права в качестве ее самостоятельного раздела.

Освобождение научной методологии исследования права от господства марксизма-ленинизма как “единственно правильной” научной системы мировоззрения послужило мощным толчком к обретению философией права статуса самостоятельного научного направления и самостоятельной научной дисциплины. Ее включение в число обязательных предметов, изучаемых в магистратуре по юриспруденции, стало своего рода завершением споров о необходимости изучения этой отрасли знания. Но теперь споры по философии права переместились в другую плоскость: что же именно в этом курсе должны изучать обучающиеся? Обсуждаемая работа в этом отношении – своего рода эталонный учебный курс. Она включает проблемы онтологии и аксиологии государства и права, правосознания, правовой культуры и правовой идеологии. В отдельный раздел выделены вопросы, связанные с местом и ролью государства и права в системе социальных регуляторов. Иными словами, структура книги охватывает почти

все основные аспекты философии права. Многие разделы являются поистине новаторскими, содержат либо оригинальные материалы, либо новые подходы к известным проблемам.

До сих пор спорным остается вопрос о статусе философии права. Правильный ответ на него, как справедливо подчеркивается в работе, напрямую сказывается не только на определении понятия философии права и оценке ее характера, “но и на основных направлениях ее дальнейшего развития и познания как научной и учебной дисциплины” (т. 1, с.12). Исследуя статус философии права, проф. М.Н. Марченко не ограничивается в соответствии с уже сложившейся традицией только анализом ее соотношения с теорией государства и права. Вопрос ставится шире: является ли философия права только юридической или одновременно и философской дисциплиной? Автор приходит к выводу, что “философия права по природе и по характеру является одновременно и философской, и юридической дисциплиной” (с. 13), что это – междисциплинарная отрасль знаний, которая объединяет усилия философии, юриспруденции, социологии, психологии и других социогуманитарных дисциплин. Такой подход позволил провести четкий “водораздел” между общей теорией государства и права и философией права: если общая теория права стремится выявить прежде всего закономерности возникновения, становления и развития права, то философия права направляет усилия и основное внимание исследователей в первую очередь на определение места и роли права в современном мире, на его ценностную оценку (с. 53). Определяя предмет философии права, нельзя не согласиться и с проф. В.Н. Жуковым, который считает, что философское познание государства и права подчинено вопросу о смысле человеческого существования. “Забвение этой главной, конечной цели всякого философского исследования, – подчеркивает он, – может заметно обеднить или даже исказить наше представление о государстве и праве” (с. 78).

Бесспорный научный интерес представляет исследование проф. Г.В. Мальцева о происхождении государства и права. Автор полагает, что “материнским лоном” права является не конфликт и не борьба между соперничающими людьми, а организация и порядок в социальных массовых группах, достигших определенного уровня сложности, многообразия жизненных форм, в разной степени контролируемых либо вовсе не контролируемых в интересах группы. Что же касается конфликтной стороны общественной жизни, то она вошла в сферу права через общественную

⁴ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.

необходимость реагировать на срывы в организации социального бытия (с. 108–153). Такое понимание происхождения государства и права в значительной мере является серьезным вкладом в научную разработку данной проблемы.

В книге содержатся немало других принципиальных для дальнейшего развития юридической науки положений, например: «государство, включая Российское, никогда в силу объективных и субъективных причин не сможет стать правовым “до конца”» (с. 199); Конституция РФ 1993 г. “была оторвана от российской действительности и в силу этого фиктивна в основных своих положениях” (т. 2, с. 29); в условиях глобализации отчетливо проявляется “тенденция более широкого формирования и более активного использования принципов права как регуляторов общественных отношений” (с. 477) и т.д. Оригинально представлена проблема самоограничения государства, поставленная еще В. Гумбольдтом. Исследованы субъективные и объективные предпосылки этого процесса, характерные для нашего времени (т. 1, с. 214–229).

Вместе с тем за пределами работы осталось немало значимых для философии права тем, например, связанных с формированием и функционированием социального государства. Из весьма содержательной лекции “Философия права XX века: основные направления и школы” почему-то “выпали” вопросы развития философии права в трудах отечественных правоведов (реформаторов, либералов, консерваторов конца XIX – первой трети XX вв.), хотя их вклад в развитие отечественной юридической науки трудно переоценить. Не вынесены в самостоятельную тему вопросы правовой гносеологии как составной части философии права. Между тем совсем не лишним было бы ознакомление обучающихся с основными формами и методами научного познания права, с различными типами правовой гносеологии (легистской, либертарно-юридической и др.), с раскрытием таких проблем, как истинность и достоверность в праве.

Значительный интерес представляет лекция 34 “Перспективы развития государства и права”. Именно в этой части книги философия права, пожалуй, в наибольшей степени заявляет о себе как наука о будущем государства и права, об их возможностях, которые при надлежащих условиях могут трансформироваться в действительность. Не следует забывать, что СССР прекратил свое существование в значительной мере потому, что не было глубокой проработки перспектив развития общества и государства, отсутствовало разви-

тое глобальное мышление, которое должно было показать истинное положение страны в мире, ее способность адекватно отвечать на вызовы времени. Из того факта, что уже два десятилетия новая Россия находится в социально-экономическом, политическом и идеологическом тупике, можно сделать вывод о том, что страна так и “не выучила” печальные уроки прошлого. С этой точки зрения изложенный в данной работе материал о будущем государства и права приобретает и практическое значение.

Вместе с тем при анализе перспектив развития государства и права не лишним было бы их исследование с позиции обеспечения устойчивого развития общества, т.е. такой формы коэволюции природы и общества, которая в максимальной мере обеспечит сбережение человечества и среды его обитания. Очевидно, что решение этой проблемы невозможно без участия государственно-правовых институтов, без кардинальных изменений в традиционном укладе жизни людей, в общественном сознании. Более того, переход к устойчивому развитию недостижим лишь в рамках национальных государств; он предполагает согласованные действия по крайней мере большинства стран по решению общемировых проблем. Следует отметить еще один важный момент: идея устойчивого развития плохо работает в мире, разделенном социально-экономическими, политическими и культурно-цивилизационными барьерами. Иными словами, должен сложиться такой миропорядок, который позволит каждому государству реализовать те идеи общего блага, с которыми исторически связаны его цели, само его существование.

Некоторые ученые (акад. А.Д. Урсул и др.), исходя из такой характеристики нового мироустройства, ставят вопрос о переходе в обозримом будущем к новому типу права – праву устойчивого развития. Из юридической практики должны исчезнуть факты некомпетентного вмешательства в природные закономерности и процессы. На смену экономоцентристской и природопокорительной стратегии (получившей отражение в области законотворчества) должна прийти установка на следование принципам и целям устойчивого развития. Если в нынешней модели цивилизационного процесса для регулирования своей деятельности обществу важно знать свое прошлое и настоящее, то новая социоприродная модель требует не меньшего внимания и к будущему.

В самой юридической науке также следует провести своего рода “инвентаризацию” знаний: определить, что должно остаться в отжившей

модели развития и что является своего рода инвариантом в обеих моделях. Право устойчивого развития должно быть основано на новой системе трактовки традиционных научных понятий, этических и духовных ценностей. Обратим внимание, например, на такую характеристику юридического закона, как общеобязательность. Обычно она трактуется в рамках отдельного государства либо определенной их группы (в случае международных договоров). Однако такая трактовка общеобязательности узка для реализации стратегии устойчивого развития, которая требует объединения усилий всего человечества, его скоординированных действий по воплощению целей и принципов нового курса. Общеобязательность в праве устойчивого развития неизбежно приобретает планетарный характер как в пространственных измерениях, так и в темпоральном аспекте.

Стратегия устойчивого развития существенно расширяет и содержание идеи формального равенства, поскольку она должна быть распространена и на последующие поколения людей. Современное поколение должно сделать все от него зависящее, чтобы наши потомки не столкнулись с угрозой своей деградации или даже гибели в силу ухудшения экологических условий проживания либо отсутствия природных ресурсов. Важно сохранить и преобразовывать природу таким образом, чтобы не разрушались ни природные ресурсы, ни условия проживания людей.

Значительно изменяется и содержание принципа справедливости при переходе к модели устойчивого развития. Принято говорить о том, что справедливость распространяется на всех без исключения людей. Но при этом обычно имеется в виду только нынешнее поколение. Но если это поколение продолжает транслировать в будущее принципы хозяйствования и особенно природопользования, ведущие к разрушению окружающей природной среды и истощению природных ресурсов, тем самым оно обрекает своих потомков вначале на снижение качества жизни, а затем и на гибель. Не только с позиции пространственно-глобальных, но и темпоральных критериев нынешнее поколение существенно нарушает принцип справедливости, если живет, по сути, за счет будущих поколений.

Императивы устойчивого развития должны быть заложены и в понимание личных свобод. Для многих людей личные свободы предпочтительнее насущных забот общества, а тем более – всего человечества. Между тем все демократические механизмы в основном приспособлены к учету мнения большинства населения, а не самой

ее разумной части. Предстоит большая работа по совершенствованию демократического механизма учета мнения различных слоев населения при принятии властных решений.

По-новому рассматриваемые принципы равенства и справедливости, а также по-новому понимаемые личные свободы, будучи закрепленными в праве, кардинальным образом меняют его содержание. В будущем возможно создание так называемого сетевого права, когда наряду с государством нормы права будут создаваться и отдельными группами населения, коллективами. Обязательность такого рода правовых норм будет основываться не на государственном принуждении, а на согласии, сотрудничестве участников этих групп, коллективов. Прообразом такого рода норм являются установления, создаваемые саморегулируемыми организациями.

Право устойчивого развития – это право будущего. Отдельные его элементы частично уже созданы в ходе развития человеческого общества. Они закреплены в индивидуальных и нормативных механизмах регулирования поведения людей, в системе наиболее эффективных мер правового воздействия на индивидов и т.п. И все же главные черты и специфические особенности права устойчивого развития только начинают складываться. Уже сейчас ясно, что такое право будет включать набор принципов и норм, которым должны быть подчинены любые создаваемые или уже имеющиеся предписания, прямо или косвенно затрагивающие вопросы сохранения биосферы и выживания человека. Иными словами, учет проблем устойчивого развития общества при определении практики государственно-правового регулирования не может не быть в центре внимания философии права.

И наконец, следует адресовать еще одно пожелание авторам курса. Учитывая его задачи, необходимо подготовить сокращенное издание книги, в которой, не отказываясь от анализа затронутых в ней проблем, в то же время изложить их более компактно с учетом интересов главного будущего читателя – студента.

Н.В. Кроткова (зам. главного редактора журнала “Государство и право”, канд. юрид. наук). “Необходим возврат к русской философии права”

Философия права – дисциплина, которая достаточно прочно обосновалась в нашем образовании и науке. Однако процесс ее становления все еще продолжается, как продолжают споры о структуре, предмете, объеме, стилистике изло-

жения философии права. За последние 15–20 лет вышло много учебников и учебных пособий, но пока еще нельзя сказать, что в нашей стране сформировалась традиция понимания философии права. Каждая новая книга по философии права может по-новому повернуть наше представление о структуре и способе подачи материала. Повторюсь, что сейчас мы живем в период, когда формируется отечественная традиция философии права. В этой связи выход в свет двухтомной философии права, подготовленной на базе юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, – событие, безусловно, заметное.

Юридическая наука и образование получили добротный труд, сочетающий в себе новаторство и традицию, высокий профессионализм и широкую эрудицию, высокий научный уровень и доступность изложения. Издание рассчитано на студентов-юристов, излагаемый материал – в основном юридический, но работа вполне может быть использована на философских факультетах вузов страны. Одно из достоинств работы – широкий диапазон тем, что, непременно, привлечет читателей с разными интересами.

Как было отмечено, традиция понимания философии права у нас все еще находится в процессе становления. Вместе с тем нельзя сказать, что в России ее никогда не было. В дореволюционный период появилась вполне самостоятельная философия права. Сложившись под определяющим влиянием немецкой философской культуры (Фихте, Гегель, позднее – Кант), уже к середине XIX в. в русской философии права чувствуется национальный характер.

Пример одного из первых зрелых отечественных сочинений – “Философия права” Б.Н. Чичерина⁵. В этой работе русский юрист выступает последовательным сторонником и даже защитником учения Гегеля. Но посмотрите, на каком высоком уровне излагается текст! Философия права Б.Н. Чичерина – не эпигонство, но творчески переработанное, зрелое, развитое в русском духе гегельянство. Сравните, например, стилистику Гегеля и Чичерина: у первого – тяжелый, темный язык, абстракции, часто переходящие в туман, у второго – ясный, точный язык, соответствующий «Золотому веку» русской литературы. Кстати, можно рекомендовать студентам начинать изучение Гегеля с работ Чичерина: между ними существует вполне естественная связь. Возможно, Чичерин где-то упрощает своего немецкого учителя

и кумира, но все равно это уже зрелая русская философско-правовая мысль.

В известном смысле образец русской философии права – творчество В.С. Соловьева. Мы не найдем у него глобальных схем вроде гегельянских, юридического формализма, у него нет даже специализированных сочинений по философии права, но при этом он – великий представитель русской философии права. Его особенность состоит в том, что он живым, точным языком умеет сказать главное о мире политики, государства и права. Соловьев стремится к тому, чтобы показать суть политико-правовых явлений через проблему смысла человеческой жизни, через жизнь человека в Боге, через идею Богочеловечества. Со стороны может показаться, что здесь право отступает на второй план и философия права заменяется философией религии или философией истории. Но в том-то и дело, что для русского ума в высшей степени характерно рассматривать все социальные вопросы (в том числе государство и право) в контексте этики и религии, в связи с конечными судьбами человечества. Русский автор, как правило, не станет замыкаться на сугубо юридической стороне дела, через право и государство он будет искать пути к более широким философским обобщениям. Следует отметить, что на этом фоне резко контрастирует либертарная теория акад. В.С. Нерсисянца, отличающаяся подчеркнутым юризмом и являющаяся собой традицию скорее западную, чем русскую.

Несколько слов к вопросу о предмете философии права. Для русской дореволюционной и эмигрантской философии права совершенно не характерно разделять в качестве предмета право и государство, а уж тем более их противопоставлять. Ни у кого из русских авторов тех поколений мы не найдем мысли, согласно которой предметом философии права может быть только право, да и то в виде некоего идеального права. Возьмите, например, сочинения П.И. Новгородцева, И.А. Ильина или Н.Н. Алексеева. Все они, как представляется, по манере подачи материала находятся под влиянием Гегеля, который помимо права включил в свою “Философию права” этику, философию политики, экономическую теорию, философию истории. Под общим названием “Введение в философию права” П.И. Новгородцев рассматривает политический идеал западной Европы в форме либерализма и социализма⁶. В главной философско-правовой работе И.А. Ильина “О сущности

⁵ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990.

⁶ См.: Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909; Его же. Об общественном идеале. М., 1991.

правосознания” гармонично взаимосвязаны его рассуждения о государстве и праве (разъять их без потери смысла невозможно)⁷. В “Основах философии права” Н.Н. Алексеева есть большая глава о позитивном праве и государстве⁸.

На мой взгляд, дореволюционную традицию философии права необходимо восстанавливать, что, конечно же, не означает прямого возврата к прошлому. Возвращаться к традиции следует на основе ее творческого совершенствования. Подготовленный труд ценен именно тем, что во многом этому способствует. В нем есть философская устремленность к пониманию основ политико-правового бытия, есть желание понять государство и право в их единстве, выявить связь права и государства с высшими запросами человеческого духа.

В.Н. Жуков (профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филос. наук). “Предмет философии права – сама жизнь”

Оценивая изданный двухтомник, прежде всего следует подчеркнуть, что курсов по философии права может быть бесчисленное множество. Эти курсы могут различаться по объему, структуре, набору тем, стилистике, манере подачи материала, идеологической направленности, философско-методологической базе и т.д. Здесь вполне уместен плюрализм в самом широком смысле. Примечательно, что нельзя то же самое сказать, например, про учебный курс по теории государства и права. Дело в том, что данный курс носит пропедевтический характер, т.е. его назначение состоит в первую очередь в том, чтобы дать студенту-первокурснику минимум элементарных базовых знаний, необходимых для изучения отраслевых юридических дисциплин. Хотят преподаватели или нет, скучно им повторять прописные истины или нет, но они обязаны дать первокурснику необходимый минимум знаний о праве и государстве. Поэтому подготовка так называемых авторских курсов по теории государства и права, где авторы стремятся показать свою оригинальность, где пытаются уйти от “банальностей”, как правило, вредят учебному процессу. Первокурсник такие курсы не усваивает, не знает, что с этим багажом делать.

Совсем иное дело – философия права. Во-первых, философия права читается студентам, уже изучившим базовый курс отраслевых наук. Они уже имеют конкретное, предметное и достаточно устойчивое представление о государстве и праве и их различных проявлениях. На этом этапе, на этом уровне обучения стоит задача предложить студентам различные смысловые и аксиологические интерпретации государства и права, показать вариативность, относительность культурных установок по отношению к политико-правовым институтам. Во-вторых, философское знание плюралистично и в значительной степени субъективно по своей природе. История мировой философии (а это и есть философия) говорит только об одной абсолютной истине: сколько философов, столько и истин. Каждое философское направление, каждая философская школа, каждый крупный оригинальный философ предлагают свой круг смысло-жизненных проблем, свой понятийный аппарат, свое видение мироздания (в том числе социальных институтов), свой набор путей решения разного рода задач. В таких условиях вариантов философии права не может не быть бесконечно много. При этом, конечно, курсы по философии права в методическом отношении должны быть четкими, их понятийный аппарат – строгим и внятным, а текст – отличаться ясностью и доступностью. Свои авторские идеи (если они есть) преподаватель должен излагать доходчиво, внятно. Тексты некоторых работ иногда заставляют сомневаться в том, что они до конца понятны самому автору.

Вполне можно представить курсы по философии права для философов, политологов, психологов, филологов, историков и т.д. Здесь подбор материала, способы его подачи могли бы иметь свою специфику, – технически все это осуществимо. Замысел руководителя авторского коллектива проф. М.Н. Марченко состоял в том, чтобы подготовить курс для студентов-юристов на базе материала, им знакомого. Задача состояла также в том, чтобы курс содержал материал, которым владеет и преподаватель, читающий философию права. Поскольку курс философии права – юридический, читается для юристов, вполне естественно делать его под массового преподавателя, ведущего занятия по блоку теоретико-исторических дисциплин. На мой взгляд, таких курсов еще не было.

В той учебной литературе по философии права, которую мы знаем, авторы как бы боятся затронуть проблемы, в той или иной мере рассматриваемые в рамках теории государства и права. Они боятся, что их обвинят в дублировании (а значит,

⁷ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 4. М., 1994.

⁸ См.: Алексеев Н.Н. Основы философии права. Прага, 1924.

косвенно, в бесплодности) курсов по теории государства и права. При этом забывается простая и очевидная вещь: общая теория государства и права включает в себя широкий круг вопросов философского характера. Задача курса по философии права состоит в том, чтобы специально выделить эти вопросы и рассмотреть их под особым углом зрения.

Несколько слов о структуре и объеме двухтомника. Кому-то может показаться, что объем работы нерационален, неоправданно превышен, а структура – недостаточно стройная, не содержит всех необходимых элементов. Должен открыть “секреты нашей лаборатории”: план работы предполагал более разветвленную структуру, чем та, которая представлена в учебном пособии. Соответственно, если бы реализовалось все задуманное, структура работы была бы более логичной, а объем – значительно больше. Лично меня это не смущает, скорее наоборот – вдохновляет. Мы изначально ставили перед собой задачу показать максимально возможные пределы философии права для юристов, стремились наметить те векторы, в направлении которых можно развивать философию права. Ведь большинство современных курсов по философии права, как правило, страдают какой-то зашоренностью, ограничиваются историей философии права и этико-правовой проблематикой (свобода, равенство, справедливость). Поэтому я считал бы правильным продолжить работу над большим, академическим курсом по философии права, в котором можно было бы показать все возможности философского анализа политико-правовых явлений. Наряду с этим можно было бы подготовить компактный учебник по философии права, где также дать широкий перечень тем, но уже в меньшем объеме.

Возвращаясь к вышедшему двухтомнику, следует отметить, что его внушительный объем – не помеха, а подспорье в учебном процессе. Широкий круг тем и большой объем дают простор для учебно-методической работы, позволяют преподавателю выбрать тот материал, который ему необходим.

Теперь попытаюсь ответить на два замечания, которые прозвучали на “круглом столе”.

Замечание первое: философия права не имеет самостоятельного статуса; она себя изжила, поскольку появилась теоретико-правовая наука; философско-правовые вопросы следует рассматривать в рамках общей теории государства и права.

Несколько слов о “научности” гуманитарных наук. Строго говоря, наукой можно считать только

науки естественные и технические, применительно к гуманитарному знанию о научности можно говорить лишь условно. Наука – совокупность точных сведений об окружающем мире, о закономерностях его бытия. Если в изучаемом предмете нет повторяемости, нет закономерности, науке здесь делать нечего. Возьмем для примера главную гуманитарную науку – историю и посмотрим на нее с точки зрения наличия в ней закономерностей. История – это опора, без которой не могут существовать философские и юридические науки, социология, политология, культурология и многие другие. История дает факты, которые другие гуманитарные науки обрабатывают применительно к своему предмету.

Есть ли в истории человечества некие глобальные, всеопределяющие закономерности? Если не становиться на позиции, например, христианской эсхатологии и Божественной предопределенности, а руководствоваться только разумом, то ответ может быть один: никаких и никогда. Баденская школа неокантианства убедительно показала, что человеческая культура уникальна, неповторима, в ней господствует не закон причинности, а человеческая воля, иррациональная по своей природе. История развивается поступательно, никогда и ни разу не повторила себя, да и не могла повторить. В истории никогда и ничего не повторяется – вот единственный и абсолютный закон развития человечества. Можно говорить об исторических аналогиях, о локальных зависимостях (внутри эпох, регионов и национальных культур), но закономерностей, определяющих всю человеческую историю, нет.

Если история человечества уникальна, то почему с историей государства и права должно быть по-другому? В истории не было, нет и не будет двух одинаковых государств. Даже у одного народа на протяжении относительно короткого исторического отрезка государство и право постоянно меняются. Так, ныне принятая классификация форм государства применима в основном к государствам Запада Нового и Новейшего времени (да и то с большими натяжками), большинству государств нет в ней места. Универсальных закономерностей здесь нет, их поиск обречен на неудачу. В этом случае наиболее эффективен метод описательности (как в истории): в Англии государственное устройство такое, во Франции – такое, в Индии – такое и т.д. Где здесь строгое научное знание, отменяющее философию как пережиток древности? Где четкие критерии, абсолютные истины и универсальные закономерности? Их нет и не может быть. В этом смысле можно уверенно утверждать,

что статус философии и философии права не более сомнителен, чем научный статус общей теории государства и права. Расстояние между естественными и гуманитарными науками гораздо больше, чем между последними и философией.

Сказанное выше – не нигилизм от науки, я за то, чтобы возможности гуманитарных наук не завывались, оценивались реалистически.

Замечание второе: государство и порожденное им законодательство не являются предметом философии права, предмет философии права – идеальное, взятое абстрактно, в своем существе право.

Не уверен, что такое понимание предмета философии права преобладает на Западе, откуда эта дисциплина к нам пришла. Да, есть курсы по философии права, где рассматривается в основном право, но это – скорее следствие профессиональной специализации, а не сознательной, “идейной” позиции. Например, у Г. Радбруха предмет философии права – по преимуществу действительно право, проблематика государства идет фоном, привлекается по мере необходимости. Но предметом его философского внимания выступает отнюдь не идеальное право, а вполне реальное, исходящее от государства, т.е. законодательство. Г. Радбрух рассматривает реально действующее право (в частности, уголовное) и пытается отыскать его философский смысл, если хотите, идеальную сущность реально действующего права. С точки зрения логической, эвристической это – вполне нормальный процесс познания права.

Никто не будет спорить с тем, что философское познание права предполагает выявление его сущности, его идеальных черт. Иначе говоря, философский анализ права не может обойтись без того, чтобы не создать некую идеальную конструкцию, модель права. Мыслительный процесс оперирует категориями, которые всегда имеют идеальный характер. Однако не следует путать идеальную сущность, модель права, созданную разумом, с реальным правом. История философии доказывает, что человеческая мысль обращалась именно к реально действующему, позитивному праву, праву, обеспеченному государственным принуждением. Именно позитивное право завораживало людей магией своего принудительного действия. Будучи беспощадным, несправедливым, жестоким, циничным, зверским на протяжении всей истории человечества, оно неизменно привлекало к себе внимание философов. Реально действующее право, а не его идеальная модель, – вот подлинный источник, мотив и стимул философского осмысления права. За позитивным правом всегда стоит государство, разорвать их невозможно. Все эти рассуждения о

том, что есть право и закон, что только идеальное право есть предмет философии права, выглядят художочными, далекими от жизни. Только жизнь наполняет философию подлинным содержанием, без этого философия мертва. Предмет философии и философии права – сама жизнь, идеальные модели – средство ее постижения. Когда кроме права человек ничего не видит, когда за правом пропадает сама жизнь, наступает голый формализм, схоластика без содержания и смысла.

На мой взгляд, дуализм права и закона искусственно раздут юристами, причем именно нашими юристами. Для философов и на Западе, и у нас это не характерно. Возведение у нас дуализма права и закона в главную тему, главный вопрос философии права – следствие гипертрофии юридического либерального сознания. Образец такого подхода – либертарная теория, которую лично я воспринимаю как юридический позитивизм постсоветского образца, как реакцию зашоренного юридического сознания на тоталитарное прошлое нашей страны. В наших конкретных условиях тезис о праве, существующего вне связи с государством, есть результат неумеренно раздутого и некритически воспринятого кельзенизма. Учение Г. Кельзена глубоко и оригинально, но надо понимать всю условность его базовых идей.

М.Н. Марченко

Уважаемые коллеги!

Я, как и весь наш авторский коллектив, весьма признателен и благодарен Вам за активное участие в обсуждении курса и за высказанные замечания и предложения по его дальнейшему углублению и совершенствованию.

Мнения авторов по основным вопросам, касающимся философии права, были, как представляется, обстоятельно и убедительно изложены в рассматриваемом курсе. Не со всеми из них участники обсуждения согласны. Это вполне естественно и понятно, учитывая сложность, многосторонность, а в ряде случаев – внутреннюю противоречивость рассматриваемой материи.

Что же касается высказанных при обсуждении замечаний и предложений, то они, несомненно, будут тщательно изучены и по возможности учтены авторами в процессе дальнейшей работы над данным изданием.

Спасибо за участие и внимание!

Материалы “круглого стола” подготовила Наталья Викторовна Кроткова, зам. главного редактора журнала “Государство и право”, канд. юрид. наук (Тел.: (495) 691-87-34)